

ПАМЯТЬ О ЛЕГЕНДАХ

Холмы Грюнвальда

Значение победы под Грюнвальдом можно высказать так: после нее в течение пяти веков, до 1914 года, на земли Белоруссии и Литвы не ступала нога вооруженного немца. Почему важно в первую очередь отметить этот аспект Грюнвальда? Потому что до 14

июля 1410 года походы крестоносцев на Великое княжество Литовское, а конкретно, на Литву и Белоруссию, совершались до восьми раз в год. Это не были походы ради наживы; стратегическая цель немецкой политики состояла в полной ассимиляции народов захватываемых территорий. Такая судьба постигла славянские племена бодричей и лютичей; в 1157 году император Фридрих Барбаросса перешел Одру; ста лет не прошло, как на землях шпревян был основан Берлин, ставший столицей Бранденбургского маркграфства и центром немецкой колонизации земель между Вартой и Одрой. Славянское население при малейшей попытке сопротивления уничтожалось, изгонялось или переселялось; оставшаяся часть подвергалась насильственному онемечиванию. Так было и с литовским племенем пруссов, от которого, как говорилось выше, немцы не оставили ничего, кроме имени, да и то закрепилось оно за немцами,— воинственное грозное племя исчезло, растворившись среди немецких колонистов. Такая же участь ожидала белорусов и литовцев. Пределы территориальных претензий Тевтонского ордена постоянно расширялись.

Тевтонский орден сложился из двух орденов: Меченосцев и Ордена рыцарей черного креста девы Марии. Объединение произошло в 1237 году по настоянию папы римского Григория IX. Тевтонский орден после упадка Иерусалимского королевства и возвращения в Европу с 1211 по 1225 год действовал в Венгрии, но был изгнан оттуда и оказался без места. В этот тяжелый для него час Ордену повезло — в 1226 году он получил приглашение от мазовецкого князя Конрада осесть на 20 лет в Хелминской земле (в Польше) для умиротворения и христианизации пруссов, чтобы за это время приобрести себе земли в Пруссии. Захватив прусские земли, Орден целенаправленно отвоевал у Конрада важные для себя польские территории (Поморье) и направил военный удар против Великого княжества Литовского. Необходимо сказать, что в том же 1226 году магистр Ордена заручился грамотой императора

Фридриха II, которая все территориальные завоевания в землях пруссов «передавала» в собственность крестоносцев. Через два года Коирад был вынужден отдать Ордену Хелминскую землю в «вечное владение».

Белоруссия и Литва еще при Миндовге испытывали давление Ордена. Необходимость противостояния ему привела в 1325 году Великое княжество к союзу с Польшей. Союз был скреплен браком польского короля Казимира III с дочерью Гедимины Алдоной.

Из земель Великого княжества для крестоносцев жизненно важно было заполучить Жмудь, которая отделяла ливонцев от орденской Пруссии. В случае объединения у крестоносцев оказалось бы в руках все балтийское побережье; для литовцев и белорусов такое объединение создавало смертельную угрозу и, кроме того, сильно ущемляло их экономически, отнимая выход к морю.

Формально походы крестоносцев на Литву и Белоруссию представлялись как миссионерские, богоугодные — против язычников и русских «недоверков». Великие князья литовские вынужденно заключали с Орденом соглашения, обещавшие ему Жмудь или даже передававшие Жмудь под орденскую власть.

Захватнические замыслы Ордена, однако, не ограничивались Жмудью. В 1392 году между Тевтонским орденом и венгерским королем Сигизмундом Люксембургским был заключен договор о совместном ведении войны против Польши и Великого княжества, в результате которой предполагалось разделить территорию противника следующим образом: Орден получал Жмудь, Белую и Литовскую Русь, Полесье, Подляшье, Мазовецкое княжество, псковские и новгородские земли, Великопольшу; Сигизмунд должен был обрести южную Польшу и Червоную Русь (то есть всю Волынь и Подолье).

При таком соседстве государственное развитие Великого княжества и Польши не могло проходить нормально. Сокрушение Ордена стало неотложной задачей, жизненно необходимой потребностью литовцев, белорусов и поляков. Эту задачу и решила Великая война 1409—1411 годов. Стратегическое решение о войне было принято польским королем Владиславом-Ягайлой и великим князем литовским Витовтом на тайном совещании в Новогрудке в декабре 1408 года. Первым действием войны стало восстание Жмуди, которая в это время находилась под управлением Ордена. По приказу Витовта жмудские отряды напали на рыцарские замки и вырубали крестоносцев. Послы Ордена, как записал Ян Длугош, тотчас обратились к Ягайле выяснить его отношение к тому, что «Александр-Витовт, великий князь литовский, отнял у них землю самагитов (Жмудь), несмотря на то, что открытой грамотой записал ее в вечный дар магистру и Ордену и отрекся от всякого права притязать на нее, а начальников и заместников его и Ордена перебил или захватил в плен с позором и срамом. И хотя магистр и Орден снаряжали много посольств к упомянутому Александру-Витовту и многократными просьбами и настояниями добивались возвращения захваченной земли и возврата пленных, однако их старания и просьбы не оказали никакого действия, так как Александр, князь

литовский, насмеялся над их настояниями и требованиями».

Польские послы в Мариенбурге (столице Ордена) в ответ на угрозу магистра, что он наберет войско и нападет на Великое княжество, ответили: «Перестань, магистр, страшить нас, что пойдешь войной на Литву, так как, если ты решишь это сделать, то не сомневайся, что лишь только ты нападешь на Литву, наш король вторгнется в Пруссию». Тогда немцы, не медля, начали военные действия против поляков и захватили Добжинскую землю. Боевые действия длились недолго и завершились перемирием

Польши с Орденом до Купалья 1410 года. Но перемирие с Великим княжеством великий магистр не заключил, что давало ему возможность продолжать военный натиск против Литвы и Белоруссии. Арбитром в споре Польши и Ордена взялся выступить чешский король Вацлав; решение его должно было быть оглашено в Праге 9 февраля 1410 года. Поскольку ни Ягайла, ни Витовт не сомневались, что Вацлав объявит решение в пользу Ордена, то возобновление войны следующим летом было неотвратимо.

В декабре 1409 года Витовт и Ягайла встретились в Бресте, где обсудили детальный план летнего похода на крестоносцев. На это брестское совещание приглашался хан Джелаледдин, сын Тохтамыша, которому подчинялось принятое в Великом княжестве большое золотоордынское войско. С ханом была заключена договоренность, что он выводит на войну определенное число конницы, а за это после войны Витовт поможет Джелаледдину вернуть отцовский престол в Золотой Орде.

Забегая вперед следует сказать, что свое обязательство Витовт выполнил, В 1411 году, после удачного похода на Орду он посадил Джелаледдина на ордынский трон, что Великому княжеству было выгодно: это ограждало южные границы Великого княжества от татарских набегов и давало союзника в политике утеснения Московской Руси.

На брестском совещании Витовт и Ягайла обговорили также численность и место сбора войск Польши и Великого княжества, стратегию удара, вопросы набора наемников, дипломатическую тактику привлечения своих возможных союзников и нейтрализации возможных союзников Ордена.

Соответственно плану в последних числах мая 1410 года в Гродно стала стягиваться полки из белорусских и литовских земель и княжеств. Отсюда тронулись они к истокам реки Нарев, где был назначен сбор всему войску Великого княжества. Затем войска Витовта совершили переход через мазовецкие земли и пришли к Червеньску на Висле, где встретились с польскими хоругвями. Это было в начале июля, а через две недели

произошло Грюнвальдское сражение, ставшее кульминацией всей войны 1409—1411 годов и определившее ее исход.

В ряду крупных битв того времени Грюнвальдская выделяется как количеством участвовавших в ней войск, так и необыкновенной удачей результатов: Орден, который еще утром 15 июля 1410 года был одним из

могущественных государств Европы, к вечеру стал почти ничем, и ему угрожало исчезновение с политической карты. Хоть впоследствии Ордену удалось воспрянуть и окрепнуть, поражение его в Грюнвальдской битве изменило политический и военный климат в Европе и вывело Польшу и Великое княжество Литовское в число действенных стран, с которыми следовало считаться.

Понятен поэтому глубокий интерес к этому сражению со стороны историков многих поколений Польши, Литвы, Белоруссии, Германии, России. Среди них — Я. Длугош, М. Стрыйковский, А. Кояловнч, Т. Нарбут, И. Лелевель, А. Левицкий, Ю. Крашевский, А. Шайноха, А. Прохазка, А. Барбашев, М. Кояловнч, Я. Гейсман, Г. Зутнс, Г. Дельбрюк, Н. Разин, А. Строков, В. Пашуто, Н. Лапин, А. Тирчннскнм и многие другие. Наиболее глубоко исследовал круг связанных с Грюнвальдом проблем современный польский историк С.Кучнньскнн, обобщивший свои выводы в труде «Великая война с орденом крестоносцев в 1409—1411 годах».

В битве участвовали хоругви на всех белорусских землях и княжествах; все города, каждая деревня дали воинов для Грюнвальдского сражения, и, конечно же, любопытно проследить по имеющимся прямым и косвенным свидетельствам, каково было это участие.

Польское войско пришло на битву в составе 50 хоругвей; из них 7 выставили подчиненные Польше украинские земли. Длугош называет следующие украинские полки: Львовский, Холмский, Галицкий, Перемышльский и три Подольских; в двух хоругвях были наемные рыцари из чехов, моравов, силезцев.

Великое княжество Литовское выставило на поле боя 40 хоругвей: 30 из них имели на знамени Погоню — герб Великого княжества; 10 — герб Колонны — белые столпы на красном фоне. Помимо них, с Витовтом пришла конница хана Джелаледдина. Длугош в своей «Истории Польши» определяет число татар, участвовавших в Грюнвальдском сражении, в 300 человек. Цифра, безусловно, во много раз занижена. По преданиям белорусско-литовских татар, нх пришло к Витовту 40 тысяч. Поэтому мнения исследователей были весьма разноречивы. Одни считали, что в походе 1410 года было около 30 тысяч татар, другие утверждают, что Джелаледдин выставил для битвы 10—15 тысяч воинов, третьи ограничивают численность помогавших Витовту татар 1—2 тысячами. Не имея точных данных, трудно согласиться с любым мнением, но косвенные свидетельства позволяют считать, что Джелаледдин присоединил к войску Великого княжества не менее 5 тысяч всадников. Такой вывод можно сделать на основании того, что ордынцы, пришедшие с Тохтамышем, были размещены во многих белорусских и литовских поветах; и далее — восстановление на отцовском троне могло быть реальным для Джелаледдина только при наличии у него самой достаточной военной силы.

Кроме того, в орденских хрониках записано, что великий магистр Ульрик фон Юнгинген погиб в битве от руки татарского хана Багардина, что могло

быть и правдой, и в этом случае смерть магистра от руки язычника была еще одним упреком против Ягайлы и Витовта. Возможно, чтобы отвести такой упрек, Я. Длугош записал в «Истории», что великий магистр был убит «простым драбом», то есть рядовым воином нешляхетского происхождения. На известной картине «Грюнвальдская битва» Яна Матейко момент гибели Юнгингена изображен символически: человек, наносящий великому магистру Ордена смертельный удар, одет в красную одежду официального

палача; его оружие — также традиционное орудие казни, то есть воин выступает как бы безличностным исполнителем приговора истории.

Из сорока хоругвей Великого княжества Длугош поименно называет 21: виленскую, тройскую, гродненскую, ковенскую, лидскую, полоцкую, витебскую, новогрудскую, волковыскую, медницкую, брестскую, пинскую, киевскую, стародубскую, дрогичинскую, мельницкую, кременецкую, смоленскую, а еще хоругвь князя Сигизмунда-Корибута, хоругвь князя Семева-Лиингвея Мстиславского и хоругвь некоего Георгия (Юрия). Остальные 19 хоругвей не названы.

Попытаемся, насколько это возможно, определить их. Начнем с полков, названных именами князей. Юриев, которым доступно было вести в битву полк, на то время известно трое. Юрний Мстиславский — сын Семена-Лингвена, вошедший во многие исследования чуть ли не самым известным участником битвы, на самом деле в Грюнвальдском сражении быть не мог: ему в 1410 году едва ли исполнилось 12—13 лет. Невозможно допустить, чтобы он не только командовал полком, но и вообще присутствовал в этом рискованном походе.

Князь Юрий Пинский по кличке Нос в это время был псковским наместником Витовта; если он на время войны возвращался по вызову Витовта на родину, то вел пинскую хоругвь, где его знали и где он пользовался «законной властью».

Третьим Юрием был племянник Витовта и Ягайлы — Юрий Михайлович — князь в Заславле. Вот он более всего и подходит на роль полкового командира, яе раскрытого Я. Длугошем. Кто шел на войну с его хоругвью? Само заславское княжество было маленьким, и князь Юрий возглавил минский полк, в который вошла и его заславская дружина. Минск, в те годы подчиненный Витовту, самостоятельного князя не имел, о старосте Витовта в Минске неизвестно, поэтому вполне допустимо считать, что хоругвь князя Юрия составляли минские и заславские бояре и их паробки.

Семен-Лингвен был родным братом короля Владислава-Ягайлы и двоюродным братом Витовта. В описываемое время он являлся боевым князем в Великом Новгороде, который Витовт стремился подчинить своему влиянию. В октябре 1409 года князь Семен приезжал на тайный совет с Витовтом в Троки. Поскольку время было военное, то разговор братьев исключительно мог идти о предстоящем походе, в частности о возможностях участия в нем великоновгородского полка. Вотчиной Семена Ольгердовича было Мстиславское княжество, следовательно он вел на битву Мстиславский полк,

подчиняться ему должен был и полк новгородцев. В битве Семен Мстиславский возглавлял левое крыло войск Витовта, то самое, в котором героически бились хоругви смолян.

«В этом сражении русские рыцари Смоленской земли,— сообщает Длугош,— упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратившись в бегство, и

тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко порублены и знамя их было втоптанно в землю, однако в двух остальных хоругвях они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками; и только они одни в войске Александра-Витовта стяжали в тот день славу за храбрость и геройство в сражении...»

Смоленское княжество окончательно было подчинено Витовтом в 1406 году; его западные области с городами Оршей, Мстиславлем, Пропойском отошли к Великому княжеству Литовскому намного раньше, еще при Ольгерде. Указание Длугоша, что в битве выступали три смоленских полка, вызывает достаточное недоумение, поскольку он сам, перечисляя полки, называет смоленский полк в единственном числе; затем же речь

идет о трех хоругвях. Сам Смоленск непосредственно выправить три полка никоим образом не мог; в сравнении с тем, что Полоцк, Владимир, Вильно выставили по полку, это было бы очень странно. Речь, таким образом, может идти лишь о полках Смоленщины. Тогда, если прибавить к названной смоленской хоругви два не названных полка со Смоленщины — мстиславский и оршанский, запись Я. Длугоша обретает ясность в отношении количества; насколько же стойкостью и мужеством эти полки отличались перед другими полками войска — вопрос особый.

Трудно представить, чтобы от участия в походе были устранены слущкий полк князя Александра Владимировича и могилевский князя Андрея Владимировича; оба Владимировичи были внуки Ольгерда, родные племянники Ягайлы и двоюродные — Витовта. Из украинских полков несомненно участие в битве луцкой, владимирской, ратненской хоругвей, полков Подольской земли, входившей в Великое княжество. Как убедительно полагает Ст.Кучиньский, Вильно, Троки, бывшие центрами больших, густозаселенных земель, дали не по одной, а по две-три хоругви. Следует также учесть, что полки могли составляться и из мелких поветовых и княжеских дружин. Выставили своих воинов Несвиж, где княжили Григорий и Иван Несвижские, Чорторыйск, Кобрин, Крево, где наместником был Ян Гаштольд;

Лукомль, Ошмяны, Ушполье, Вилькомир, где наместничал боярин Вежкгайло. Помимо медницкой хоругви, Жмудские поветы дали еще 2100 воинов, из которых большинство не пошло на Грюнвальд, а выполняло боевые действия на жмудско-орденской границе.

Хоругви имели различную численность — от 60 до 200 — 300 копий, но

были хоругви и в 500 и в 600 копий. Копьем называлась боевая единица из трех воинов: рыцаря, оруженосца (у нас он назывался паробком) и лучника. Бедный боярин мог выступать и в одиночку или обходиться только лучником, но кто был побогаче, стремился увеличить число своих паробков и лучников, поскольку безопасность рыцаря в бою крепко зависела от их числа и умения.

Командирами хоругвей назначались, как правило, люди, занимавшие высшие должности на землях или в городах, где хоругви формировались. Поэтому можно считать, что гродненскую хоругвь вел гродненский наместник Михаил Монтвид, виленскую — Войцех Монтвид, полоцкую — Иван Немир, новогрудскую — брат Витовта Сигизмунд Кейстутович, одно время там наместничавший; он же мог стоять во главе новгород-северской хоругви, так как на 1410 год наместничал в Новгороде-Северском. Но в то же время этот полк мог быть по приказу Витовта отдан под начало Сигизмунда-Корибута, отец которого некогда там княжил. Полк киевлян, очевидно, возглавлял киевский воевода Иван Гольшанский, трокские хоругви могли вести воевода Явнис и трокский наместник Гинвил; командиром луцкого полка скорее всего был князь Федор Острожский. Главенство над всеми подольскими хоругвями, как следует из «Хроники Быховца», держал Иван Жедевид — двоюродный брат Витовта.

Отсутствие каких-либо конкретных сведений о численности войск или отдельных хоругвей Ордена, Польши и Великого княжества Литовского допускает строить самые разные предположения — вплоть до фантастических — по этому вопросу. Обычная методика расчета состояла в том, что брали какое-то среднее возможное число копий для хоругви (например 70, что давало 210 воинов, или 300, то есть под 1000 воинов) и умножали на число хоругвей. Поэтому у разных исследователей численность войска представала то 80 тысяч для крестоносцев и 160 тысяч для Польши и Великого княжества, то соответственно 18 и 36 тысяч. Некоторые историки не считали пехоту, другие не считали татар, третьи по-разному оценивали численность войска, оставленного

для охраны границ и замков. Наиболее любопытны в этом отношении расчеты Кучиньского, который опирался на

мобилизационные способности стран — участников битвы. Польское войско он определил в 20 тысяч воинов, белорусско-литовско-украинское в 11,5 тысячи. Для Великого княжества, однако, расчеты основывались на списках войска Великого княжества от 1529 года, по которым конное войско составляло 24,5 тысячи всадников. В силу уменьшения территории Великого княжества XV — начала XVI века втрое эту цифру можно отнести к 1410 году. Но едва ли верно считать, что большая часть войска не ходила в поход. Наоборот, Витовту требовалась победа над Орденом. В этом случае он возвращал Жмудь, получал Судава, а Ягайла возвращал ему ту часть плодородных подольских земель, которыми пользовалась Польша. Поражение Ордена и мирные границы с Золотой Ордой в случае прихода туда Джелаледдина превращали Великое

княжество в сильнейшую державу; реальные возможности самостоятельного развития Великого княжества, разумеется, хорошо виделась Витовту, и он был обязан для достижения заветных целей приложить все силы. Это означало, что он должен был вести на битву предельное число своих полков. Поэтому силы Великого княжества в битве под Грюнвальдом можно оценить в 20 тысяч конницы, несколько тысяч пехоты, 3—5 тысяч татар и 3—4 тысячи челяди, обозников, коноводов.

Такие же примерно по количеству силы привел на битву Ягайла. Более 30 тысяч воинов вывел на поле боя великий магистр Ордена. Так что под Грюнвальдом сошлись сражаться около 80—90 тысяч человек. Другого такого крупного сражения история средних веков не знает.

Орден позволил противнику перейти границы, что оказалось гибельным для многих замков и селений — их разграбили и сожгли. Не просто понять, почему орденский капитул решил дать бой Витовту и Ягайле на своей территории. Удар Ордена по войскам Польши и Великого княжества во время их соединения под Червеньском на Висле мог бы скорее и с меньшими потерями решить исход летней кампании в пользу крестоносцев. Но не все, что стало известно исследователям этой битвы, было известно великому магистру, когда он принимал решения. В частности, он никак не мог знать, ударят ли на него Ягайла и Витовт объединенными силами или разрозненно, по двум направлениям. Когда ситуация прояснилась и стало известно, что польские и белорусско-литовско- украинские войска совместно движутся к бродам на Дрвенце, переход через которые открывал прямой путь в глубь орденских земель, Ульрик фон Юнгинген встретил их на этих бродах и здесь был готов дать решительное сражение.

Броды были укреплены частоколами и палисадами, за ними стояла наготове артиллерия и отряды арбалетчиков, а в глубине — тяжелая и легкая конница. Штурм бродов обернулся бы для союзников поражением, и потому Витовт и Ягайла решили обойти Дрвенцу у истоков. Этот маневр был неожиданным для крестоносцев, но они быстро сориентировались в стратегии противника и довольно точно определили маршрут его движения. Путь, которым продвигались войска Ягайлы и Витовта, неминуемо проходил через деревни Грюнвальд, Людвиково и Танненберг, и здесь великий магистр решил остановить врага и навязать ему бой. Немцы пришли сюда на день раньше. Обоз крестоносцев расположился возле Грюнвальда, а их хоругви заняли боевые позиции между деревнями Танненберг и Людвиково. Местность там холмистая, примерно как у нас под Новогрудком; крыльям войска и даже отдельным полкам следить за действиями друг друга практически невозможно. Именно здесь утром 15 июля и началась знаменитая битва. Проследим основные ее моменты в описании Длугоша.

«Лишь только зазвучали трубы, все королевское войско громким голосом запело

отчую песнь «Богородицу», а затем, потрясая копьями, ринулось в бой.

Войско же литовское, по приказу князя Александра, не терпевшего никакого промедления, еще ранее начало сражение». Иначе говоря, белорусско-литовско-украинские полки вступили в бой с крестоносцами первыми, и это произошло на достаточное время прежде, чем начали биться поляки.

Затем следует глава под названием «Литовцы, показав тыл, бегут до самой Литвы».

«Сойдясь друг с другом, оба войска сражались почти в течение часа с неопределенным успехом; и так как ни то, ни другое войско не поддавалось назад, с сильнейшим упорством добиваясь победы, то нельзя было ясно распознать, на чью сторону клонится счастье или кто одержит верх в сражении. Крестоносцы, заметив, что на левом крыле против польского войска завязалась тяжелая и опасная схватка (так как их передние ряды уже были истреблены), обратили силы на правое крыло, где построилось литовское войско. Войско литовцев имело более редкие ряды, худших коней и вооружение; и его, как более слабое, казалось, легко было одолеть. Отбросив литовцев, крестоносцы могли бы сильнее ударить по польскому войску.

Однако их расчет не вполне оправдал надежды. Когда среди литовцев, русских и татар закипела битва, литовское войско, не имея сил выдержать вражеский натиск, оказалось в худшем положении и даже отошло на расстояние одного югера (около 60 метров.— К. Т.); когда же крестоносцы стали теснить сильнее, оно было вынуждено снова и снова отступать и, наконец, обратилось в бегство.

Великий князь литовский Александр тщетно старался остановить бегство побоями и громкими криками. В бегстве литовцы увлекли с собой даже большое число поляков, которые были приданы им в помощь. Враги рубили и забирали в плен бегущих, преследуя их на расстояние многих миль, и считали себя уже вполне победителями. Бегущих же охватил такой страх, что большинство их прекратило бегство только достигнув Литвы; там они сообщили, что король Владислав убит, убит также и Александр, великий князь литовский, и что, сверх того, их войска совершенно истреблены...

Александр же Витовт, великий князь литовский, весьма огорчаясь бегством своего войска и опасаясь, что из-за несчастной для них битвы будет сломлен и дух поляков, посылал одного за другим гонцов к королю, чтобы тот спешил без всякого промедления в бой; после напрасных просьб князь спешно прискакал сам, без всяких спутников, и всячески упрашивал короля выступить в бой, чтобы своим присутствием придать сражающимся больше одушевления и отваги».

Этот рассказ Длугоша создает впечатление, что бежало все войско Великого княжества Литовского, за исключением 3 смоленских полков, которые — 3 из 40 — проявили стойкость.

Версия Длугоша о разгроме и бегстве с поля боя войск Великого княжества Литовского была взята на веру многими историками и вошла в оборот; даже

Генрик Сенкевич — автор знаменитых «Крестоносцев» — некритически последовал за рассказом Длугоша и сделал разгром белорусско-литовских хоругвей фактом художественной литературы, то есть фактом широкого читательского сознания.

Между тем эти и разгром и бегство весьма сложно вообразить, поскольку они находятся в противоречии с реальными условиями. Поле боя по фронту занимало два с половиной километра; учитывая примерное равенство сил союзников, можно принять, что войска Витовта противостояли немцам на 1 — 1,25 километра. На таком участке могли сражаться с крестоносцами не более 10 — 11 хоругвей — если положить 100 метров на хоругвь, то есть по 50 человек в ряд, и 8—10 рядов в глубину. Позади первого

ряда стояли, готовясь к бою, 11—22-я хоругви, а за ними — 23 — 34-я хоругви, еще оставался резерв. Естественно, что полки, первыми принявшие удар, потерпели больший урон, чем полки второй и третьей очереди; некоторые полки могли быть высечены наголову, остатки других могли быть принуждены к бегству. Даже при рассечении фронта, глубоком прорыве, окружении некоторых полков Витовт имел немалый запас сил, чтобы осуществить необходимые контрмеры. Для отступающих полков лучшим местом защиты был обоз — несколько тысяч телег, несколько тысяч крестьян, вооруженных в топоры, рогатины, цепи. Против 40 белорусско-литовско-украинских полков и татар немцы могли выставить максимум 17—22 хоругви; 17, если следовать за исчислением Длугошем прусского войска в 51 хоругвь; тогда, отняв от этого количества 16 хоругвей резерва, которые повел в бой великий магистр в критический момент битвы, получим 35 хоругвей, разделенных поровну на два крыла. На самом деле в орденском войске хоругвей было больше, не менее 60, поскольку какая-то часть рыцарских знамен была взята Витовтом и вывешена в Виленском кафедральном соборе св. Станислава, и еще четыре знамени разбитых под Грюнвальдом хоругвей вывесил в часовне под Танненбергом следующий магистр Ордена Генрих фон Плауэн. 22 хоругви составляли треть рыцарского войска — примерно 10—12 тысяч воинов; им противостояла половина союзных войск — не менее 20 тысяч.

Мнение о худшем перед поляками и крестоносцами вооружении войска Витовта не имеет веского обоснования; во всяком случае эта разница не была решающей. Подтверждением служит парад белорусско-литовских хоругвей, специально организованный Витовтом и королем для венгерских посредников, которые заодно с мирными инициативами выполняли и разведывательные функции в пользу Ордена.

Вряд ли бы Витовт и Ягайла стали демонстрировать орденским соглядатаям свои недостатки; значит, сами они полагали войско Витовта не худшим рыцарского.

Другим свидетельством равного противнику вооружения белорусско-литовских полков является ошибочное суждение польских рыцарей, не отличивших сразу немецкие хоругви от Витовтовых: «Большая часть

королевских рыцарей, увидев войско под шестнадцатью знаменами, сочла его за вражеское (как это и было), прочие же, склонные по слабости человеческой надеяться на лучшее, приняли его за литовское войско из-за легких копий, иначе сулиц, которые в нем имелись в большом количестве...»

Так что ни одного реального условия, необходимого для разгрома войск Великого княжества, и тем более для преследования его на много миль (миля — 4 километра), не видно.

О том, что разгрома и бегства не было, свидетельствует и сам Длугош несколькими страницами далее, когда описывает осаду войсками союзников орденой столицы Мариенбурга: «Польское войско король разместил у верхней части замка к востоку и югу, литовское же поставил в нижней части; кроме того, в особом месте, к югу от замка, он расположил воинов земель своего королевства — Подолни и Руси... Поставлены были и другие бомбарды среди литовского войска: одни вдоль городских стен, другие у начала моста, сожженного с другой стороны

Вислы; из всех них весьма сильно били по замку с четырех сторон».

Но вернемся к тому описанию битвы Длугошем, которое касается боевых действий польского войска. «В это же время (то есть во время так называемого бегства войск Витовта.— К.Т.) обратилась в бегство и хоругвь св. Георгия на королевском крыле, в которой служили только чешские и моравские наемники, которую дали вести чеху Яну Сарновскому. Со всеми чешскими и моравскими воинами хоругвь ушла в рощу, где Владислав, король Польшу, жаловал верных воинов рыцарской перевязью, и стояла в

этой роще, не думая возвращаться в бой». (Под градом упреков подканцлера королевства она все-таки вернулась на поле битвы).

«После того, как литовское войско обратилось в бегство и страшная пыль, застилавшая поле сражения и бойцов, была прибита выпавшим приятным небольшим дождем, в разных местах снова начинается жестокий бой между польскими и прусскими войсками. Между тем, как крестоносцы стали напрягать все силы к победе, большое знамя польского короля Владислава с белым орлом... под вражеским натиском рушится на землю. Однако благодаря весьма опытным и заслуженным рыцарям, которые состояли при нем и тут же задержали его падение, знамя подняли и водрузили на место» ... «...польские ряды, отбросив одолевавшее их сомнение, под многими знаменами обрушиваются на стоявших под шестнадцатью знаменами врагов (к ним сбежались и другие уцелевшие из хоругвей, разбитых под другими знаменами) и сходятся с ними в смертельном бою. И хотя враги еще некоторое время оказывали сопротивление, однако, наконец, окруженные отовсюду, были повержены и раздавлены множеством королевских войск; почти все воины, сражавшиеся под шестнадцатью знаменами, были перебиты или взяты в плен».

Вот, пожалуй, и все, что приводит Длугош конкретного и существенного о действиях хоругвей польского войска. Обратимся теперь к другим источникам

— белорусско-литовским; они представляют несколько иной взгляд на течение битвы. «Хроника Литовская и Жмойтская» сообщает о битве так:

«...Потым вдарено в котлы, в сурмы и зараз литва з татарами з великою прудкостю скочили на немци и сточили з ними битву, же конь об коня боком отирался. Витолт и сам бегаючи, своих напоминает и шики поправует, поляци тож з кролем своим, припавши, взяли немцев на палаши... а потым видят немцы, же юж их много трупов лежит по полю, почали утекати, а поляки и литва з татарами гонили их, биючи, стреляючи, рубаючи, колючи, на килка миль, а зацнейших офицеров имали и вязали, самого мистра пруского Улрика простый драб оцепом пробив. В той войне не все наши билися, другий и шабли не добывал, бо было поле тесное. А Витолт татар з литвою охочою пустил, бурячи Прусы огнем и мечем и незносный починили шкоды».

Запись эта неконкретна, единственно существенное сведение, которое она содержит, касается, без сомнения, большого, вошедшего в память, числа татар и начала битвы войсками Витовта. Более интересны данные, сохранные «Хроникой Быховца»:

«Король Ягайла со всеми моцами коруны Польское, а князь велики Витолт со всеми силами литовскими и русскими, и с многими татары ордынскими; а мистр пруски также з моцами своими и со всею Режою Немецкою... И коли вжо вси войска з obu сторон были поготове, тогда король Ягайла и князь велики Витолт тягнули ку битве все лесными а злыми дорогами, а поля ровного а широкого не могли мети, где бы ся ку битве застановити, нижли только были поля ровный а великие под местом немецким Дубровным. И бачили то немцы, иж ляхове и литва з так великим войски не могли нигде инде вытягнути, только на тья поля, и для того копали ямы и прикрывали землю, иж бы в них кони и люди падали; и коли вжо король Ягайла и князь велики Витолт з войски своими перетягнули оные леса и пришли на тые Дубровенские поля, тогда гетман был найвышшы во войску Ягайловым пан Сокол Чех, а дворцы гетман был пан Спыткок Спыткович, а в Витолтови войску старшы гетман был князь Иван Жедевид, брат Ягайлов и Витолтов, а дворны гетман пан Ян Гаштольд. И как почали оные вышнейписанные гетманове люды шикона ты, а о тых ямах ничего не ведали, што на них немцы покопали, а так, шикуючы войско найвышшие гетманове, князь Иван Жедевид а пан Сокол в ямы повпадали и ноги себе поломали, и вельми образилесе, с чого ж и померли; и не только

одни гетманове, але и многим людем от тых ям шкода великая ся стала... и почалася битва з поранья межы немцы и войски литовским, и многое множество з obu сторон войска литовского и немецкого пало. Потом, видячы князь велики Витолт, што войска его много сильно побито, а ляхове им жадное помочы вчинити не хотят, и князь велики Витолт прыбег до брата своего короля Ягайлы, а он мшу слухает. А он рек так: «Ты мшу слухаешь, а князи и панове, братья мои, мало не вен побиты лежат, а твои люди жадное помочы им вчинити не хотят». И он ему поведал: «Милы брате, жадным обычаем иначе вчинити не могу, только мушу дослухати мшу», и казал гуфу своему коморному на ратунок

потягнути, которы же гуф войску литовскому помоч присягнувши, и пошел з войски литовскими и немец наголову поразил, и самого мистра и всех куиторов его до смерти побили, и безчисленное множество немцев поимали и побили, а иные войска ляцкие ничего им не помогали, только на то смотрели».

Не прав автор «Хроники Быховца», ограничивая по чувству литовско-русского патриотизма участие польского войска в Грюнвальдском сражении; не прав и Длугош, отведя, из чувства польского патриотизма, роль беглецов войскам Витовта, наемным чехам и моравам. Как происходило на поле битвы в действительности, никто не знает, и едва ли обнаружится документ, проливающий яркий свет ясности на многие загадки этой ожесточенной сечи многих народов. Поэтому все выдвинутые историками версии течения битвы, ее развития носят гипотетический характер. Но совокупность работ многих исследователей и прошлого и нашего времени позволяет представить действия белорусско-литовско-украинских хоругвей и татар на Грюнвальдских холмах с некоторой определенностью. На рассвете 15 июля войска Ягайлы и Витовта двумя колоннами подошли к озеру Любень, и тут стало известно, что недалеко, за дорогой, соединяющей деревни Танненберг и Людвиково, стоят немецкие хоругви. Поляки пошли с левой стороны озера, войско Витовта — с правой и прямо с марша стали перестраиваться в боевые порядки. Выбрались на опушку и застыли: в полуверсте, на затуманенных холмах, далеко вправо и влево виднелись закованные в железо, отблескивающие доспехами широкие клинья немецких хоругвей.

Можно вообразить, как на опушке леса, у дороги, ведущей к деревне Танненберг, сыпал приказы князьям и панам Витовт; одни отъезжали, подлетали галопом другие; хоругви спешно двигались на указанные места. Направо от дороги ставились гуфы виленцев и трочан, Прошла лугами и примкнула к виленскому гуфу половина татарской конницы под началом хана Багардина. Заметные халаты татар привели в возбуждение крайний клан немцев, имевший на знамени красный крест на белом поле. Вышло из леса и зарысило встык с поляками крыло Семена Ольгердовича — смоленский, Мстиславский, полоцкий, витебский, слуцкий, оршанский, лидский полки и полк великоновгородцев. Киевской хоругвью князя Гольшанского и новогрудской хоругвью Сигизмунда Кейстутовича Витовт замкнул дорогу. Рядом с новогрудцами стал волынский гуф, а между оршанцами и волынцами — сильнее всех рвавшаяся в бой хоругвь волковысцев. (Волковысцы стремились отомстить за нападение немцев на город в вербное воскресенье — 16 марта 1410 г. По обычаю средневековья, в дни праздников, связанных с Христом и Богородицей, военные действия не велись. Поэтому нападение крестоносцев на город в понимании людей того времени было святотатством, а гибель множества безоружных требовала сурового наказания виновных).

Выдвигались вперед подольские полки князя Ивана Жедевида. Летели гонцы к Ягайле узнать действия поляков. Позади первой выстраивалась вторая линия полков, и поодаль Петр Гаштольд порядковая хоругви запаса.

Немцы, к общему удивлению, в бой не трогались, упуская удобнейшую, как всем

казалось, возможность посечь выбиравшиеся из мелкоколосья в поле и в эти минуты разрозненные полки белорусов и литовцев. Великий князь поскакал вдоль первой линии войск — на полутора верстах стояли с небольшими разрывами четырнадцать хоругвей. Шла последняя суэта построения: выезжали вперед предхоругвенные; занимали первые ряды бояре с равным немецкому оружием, стоймя держали шестиметровые, толщиной в руку копья; хорунжие разворачивали и поднимали стяги. Князь скакал вдоль полков, поглядывая на клинья немцев, жалел, что так неожиданно завязывается сражение и кет времени пустить в дело остающиеся в обозе бомбарды. К великому князю съехались Иван Жедевид, Семен Ольгердович, Гаштольд, Монивид: «Готовы!» Вместе прошли на рысях по улице между первым и вторым гуфами хоругвей. Во втором ряду их было 12— Мстиславская, великоновгородцев, слущкая, полоцкая, брестская, гродненская, киевская, минская, молдаван, медницкая, вторая трокская и третья виленская. Здесь ратники держались шумнее, чем в передних хоругвях, которым предстояло принять первый удар, сшибиться с лавиной крыжаков.

Ягайла никаких вестей не подавал, и великий князь помчал к шатру короля. С правой руки ему открывались боевые порядки крыжаков — клинья имели по 30—40 рыцарей в ряд и рядов 20 в глубину; виднелись в разрывах бомбарды, арбалетчики в широкополых шлемах, а за ними поодаль стояла вторая полоса немецких хоругвей — все под развернутыми ветром знаменами. Считал знамена, многие узнавал: черный крест на белом поле — хоругвь Валленрода; вон с широкой белой полосой на красном поле хоругвь великого комтура Лихтенштейна; та, с белым ключом, хоругвь орденского казначея; красный волк — это хоругвь комтурства Бальги; белый лев с желтой короной, а под ним черный крест — кенигсбергские рыцари, а под двумя красными рыбами, конечно, стоят шонзейцы; красный орел на черном поле — бранденбургская хоругвь.

Юнгинген, Валленрод, Куно фон Лихтенштейн, комтуры стояли толпой на вершине холма. Смотрели на торопливое, напряженное построение с правой руки польских, с левой — русских и литовских хоругвей. Тревожные опасения утра, что король и Витовт не пожелают принять бой на этих холмах, вновь оторвутся, как произошло на бродах, и опять двинутся вперед, сжигая на пути замки и города, развеялись. Клинья противника уже стояли напротив орденских, сражение было неминуемо; считанное время отделяло войска от столкновения, а от победы — те несколько часов, которые требуются, чтобы рассыпать и посечь з арв ав шихся поляк ов , русь и литв у . С приятным чув ств ом превосходства магистр думал, что не они — он навязывает бой, что Ягайла и Витовт вынуждены подчиниться его замыслу битвы, что они не ожидали его здесь приготовленным к бою и если не подавлены, то, по меньшей мере, смятены этой искусно исполненной встречей в лоб.

Враги построились, ветер полощет их стяги, полоса непрямой зелени шириной с полет арбалетной стрелы отделяет их от лучших немецких мечей. Пусть рванутся, пусть, разгоняя коней, перейдут бурую ленту дороги из Людвикова в Танненберг, за которой их поджидают прикрытые дерном глубокие волчьи ямы, утыканные острыми кольями. Весь вчерашний вечер тысяча кнехтов готовила эти западни, вывозила за деревни желтый песок. Сделано добротню; никто не различит, словно не люди, а бог в день сотворения мира нарочно создал здесь пустоты. Когда их предхоругвенные с криками ужаса посыплются на колья, а сверху на них повалится второй ряд, а третий перекатится по их головам и утопчет, и сломится удар, и четвертые, пятые ряды начнут осаживать лошадей, тогда на них ударят стальные колонны Валленрода и Лихтенштейна — 44 отборные, крупные хоругви, выставленные комтурствами, епископами и городами. А сотня бомбард усилит торжество минуты ядерным градом, заставив врага шарахаться, метаться,

сталкиваться и, обгоняя друг друга, бежать. А тогда к тем клещам, в которые возьмут литву и поляков Валленрод и Лихтенштейн, подключатся 16 хоругвей запаса.

Ягайла в это время заканчивал опоясывать рыцарской перевязью молодых воинов. Потом стал исповедоваться подканцлеру Миколаю Тромбе, который, как краковский каноник, имел право на отпущение грехов.

Витовт, находившийся в это время среди своих хоругвей, удивился неожиданному и непонятному поступку немцев — клинья их вдруг повернули и шагом удалились на холмы, обнажая бомбарды и прикрывающие их отряды лучников. Пушечная прислуга поднесла к запалам факелы — тишину разорвал грохот, над полем полетели ядра и редко упали в полки. «Жедевид! — крикнул Витовт. — В мечи их!» — и поскакал к татарам. — «Багардин! — крикнул хану. — Вперед! Секи пешек!» Вся легкая конница середины и тысяча татар сорвались в галоп и, подняв мечи, выпуская стрелы, свистя, крича, воя, помчали на крыжаков.

Князь следил, как разворачиваются в лаву легкие сотни. Видел вставшего на стремянах, взметнувшего меч Ивана Жедевида. Внезапно он сгинул, и еще несколько десятков людей — там, там, там — вместе с лошадьми каким-то волшебством ушли в землю. «А-а,— догадался князь,— вырыли западни!» Глянул — сколько, как часто? Видя, что налет не сорвался, что нападавшие хоругви поредели едва и рвутся к пешим, повеселел. В воздухе столкнулись две тучи стрел, ударили в немцев, ударили по русинам и в татар. Повалились с коней первые жертвы битвы. Но уже началась рубка прислуги и лучников, донесся гулкий стук мечей о прусские шлемы.

Ягайла еще в бой не вступил. Было слышно, как за холмом польские хоругви начали петь «Богородицу».

Из ям карабкались уцелевшие бояре и татары, помогали выбираться товарищам. Принесли Ивана Жедевида с переломанной ногой. Князь навзрыд плакал о нелепом ранении. Его посадили на ремни меж спаренных коней и

отправили в обоз.

Лучников и пушкарей татары, волынцы, подольцы поголовно высекли. В ответ тяжелая рыцарская конница наставила копья, тронулась и, набирая ход, грузно поскакала на хоругви Витовта. Великий князь взмахнул мечом, и тогда Семен Мстиславский, Монивид и заменивший Жедевида Петр Гаштольд повели гуфы в сражение. Пройдя меж ям, где кричали побитые кольями кони и стонали люди, хоругви стали разливаться вправо и влево, и точно так же раздавались вширь клинья крыжаков. Немецкие и Витовтовы гуфы сошлись, с обеих сторон вынеслись жикающие стаи стрел, повисли тяжелой тучей и осыпались жалить; трехсаженные копья ударили во враждебные ряды. Разлетались щиты, рвались доспехи и латы, раздирались жалами копий груди, прошитые древками рыцари обеих сторон выпадали из седел. Но кто выдержал этот страшный первый удар, поднимал молот, топор, меч и кидался плющить броню, рубить наплечники, сечь руки. Стрелы роились, гудели меж закрытых панцирями людей, долбили, стучали, клевали доспехи, нащупывали голое тело, вонзались в шею и бока лошадей. Рыцари второго ряда становились на место убитых, а их заменяли рыцари третьего. Тяжелые молоты продавливали кованые шлемы; секиры, прорубая миланскую сталь, крушили кости; двуручные мечи, упав на плечо, добирались до сердца. Раненые падали с коней — русин на немца, немец на литовца, татарин на наемного швейцарца, и стоны, и предсмертные крики, и предсмертное ржание коней гасло в неистовом звоне железа, в адском грохоте рубки. Робкому некуда было бежать, храбрый не мог уйти вперед — рыцари и бояре стояли, как две стены, поднимаясь над землей на вал из павших своих товарищей. Задние напирали на передних, а передние ряды иступленно сокрушались одни о другой.

Иначе началась битва на крыле татар. Татарские панцири из каленой кожи буйволов и их обтянутые такой же каленой кожей щиты не могли бы выдержать удара копий, и татары хана Багардина, сшибаясь с хоругвями наемников, которых вели Кристоф фон Герсдорф, Фридрих фон Бланкенштейн, Ганс фон Вальдов, Отто фон Ноститц, пустили в ход неожиданное для немцев оружие. Когда 20—30 шагов отделяло ликующее рыцарство от татар, вдруг взвились в воздух арканы и почти весь первый ряд покрытых броней предхоругвенных был позорно свален, словно сдут ветром, под копыта своих же толстоногих, мощных коней. Пользуясь смятением крыжаков, татарские сотни рванулись вперед и ударили в мечи и сабли. Шедшие следом лучники выпустили навстречу рыцарям завесу стрел и, в мгновение ока скинувшись с седел, перерезали оглушенных падением наемников. Казавшееся забавой истребление татар обернулось с первой же минуты потерями и нелегким боем. Мощь мечей, разрубавших незатейливые доспехи, уравновешивалась змеиными объятиями арканов, метко падавших на голову и снимающих с коня десятки грозных немцев.

Рядом с татарами стояли против крыжаков виленские хоругви Войцеха Монивида и Минигала, а плечом к плечу с ними — трокская хоругвь Явниса, и кременецкая хоругвь, и хоругвь новгородцев Сигизмунда Кейстутовича, и

ратненцы Сангушки Федоровича, и луцкая хоругвь Федора Острожского, и волковысцы, и витебляне, и оршанская хоругвь князей Друцких.

Время битвы текло; ни немцы русь и литву, ни литва и русины немцев не могли потеснить, стронуть с начальных мест. Бойцы гибли, их заменяли новые; хоругви таяли, Витовт подкреплял их хоругвями второго ряда — уже пошла на подмогу новгородцам киевская хоругвь князя Гольшанского, а кременецкую хоругвь усилили молдаване; к оршанцам прибавилась и вступила в бой случкая хоругвь князя Александра Владимировича.

Великий князь носился вдоль тыла своих бьющихся полков, следил, где рedeют ряды, сам вел хоругви в бой, сам рубился с крыжаками, выходил из сечи, скакал на польскую половину сражения, скакал назад, окруженный только гонцами, которые с полуслова хватали приказ и мчались исполнять. Бой князю нравился; князь был в упоении, видел, что немцы теряют людей не меньше, чем он, а у него помимо хоругвей третьей линии еще три тысячи татар Джелаледдина, скрыто стоящих в лесу до того часа, как начнется окружение крыжаков, погоня, рубка в спину, поголовное иссечение. На глазах вершилась заветная мечта, исполнялись дедовские наказания.

Шла битва, какой не знала земля; Орден ставился на колени; острия копий и мечи отбивали охоту тиснуться на восток. Десятки тысяч людей пылали взаимной ненавистью, дырявили один другого, калечили, рубили, толкли, секли, губили чужие и клали свои жизни. Посылая в бой новые хоругви, Витовт призывал князей и бояр: «Бей! Руби!» и те подхватывали клич и мчали на немцев. «Бей! Руби!» — гремело над полем. Кричал: «Немир! Прикрой Острожского!» — и полоцкая хоругвь скакала укрепить луцкую, где немцы напряглись и прошли вперед на пятьдесят шагов; кричал: «Нос! Гольшанский! Подсобите Сигизмунду!» — и пинская с киевской хоругви присоединялись к новгородцам. Вступил в бой обок с витеблянами полк Великого Новгорода, гродненская хоругвь усилила ряды крепко потраченных владимирцев, Корейка привел свою медницкую хоругвь на подмогу Явнису. Уже рубились с крыжаками мстиславцы и вторая трокская хоругвь Гинвила. Шел второй час сражения. Густая горячая пыль поднималась к небу, солнце раскаляло доспехи, словно хотело заживо испечь забывших милосердие людей. Потом, будто утомившись зрелищем неутихающей сечи, оно стало затягиваться пологом облаков, и пролился короткий дождь, прибил пыль, освежил воздух, охладил

шлемы, латы, мечи. Валленрод, взбешенный непредвиденным отпором, приказал нажать на татар. И

татары не выдержали. Да и как было выдержать, если за каждого рыцаря они платили несколькими жизнями. Сабли тупились о крыжацкие доспехи, выбивали искры, ломались, и пока шею рыцаря находил кривой нож или аркан стаскивал его наземь, он успевал обагрить меч татарской кровью три, пять раз. Багардин, слыша от сотников об огромных потерях, решил оторваться, покругить, перестроиться и ударить в тыл. Он дал знак: ударили бубны, взревели сурны, качнулись бунчуки, и в тот же миг все татарские ряды,

подчиняясь приказу, повернули коней, уже на скаку закрылись от рыцарей пеленой стрел, и перед наемными хоругвями Ордена татар не стало — длинной змеей они быстро удалялись по лугам. За ними и гнаться было бесполезно: легкие татары имели двойной, тройной перевес в скорости хода.

Но отступление татарских полков оказалось роковым для крыла Монивида. Освободившиеся рыцарские отряды повернули на виленцев и трочан. Не готовые к боковому наскоку хоругви были вынуждены отходить. И тотчас мощный клин крыжаков навалился на новгородцев, киевлян, пинчан. Великий князь, заметив опасность прорыва, прибавил Монивида лидскую, ковенскую, стародубскую и Новгород-северскую хоругви, но и крыжаки пополнились новыми клиньями. Первый успех, мелькнувшая тень победы окрылила тевтонцев. Они напозлали на ряды бояр, сминали отпор, а по дороге к Любенскому озеру, не щадя себя, двигались вперед. Около пятнадцати хоругвей — трокские, жмудские, виленские, подольские, ковенские, молдавская, пинская, киевская, стародубская, новгородская — обнимались немцами в «клещи», и тут шла отчаянная рубка. Стали пятиться срединные хоругви Петра Гаштольда. Вся линия боя напряглась, как натянутая тетива; казалось, еще одно усилие, еще один удар мечей — и напор немцев сломится, все их наступавшие клинья обессилят, отвалятся назад, но Валленрод слал новые хоругви, и они тяжело накаливались на полки Гаштольда, и ратненцы, Владимиры, гродненцы, полочане, луцкое боярство начали тесниться и шаг за шагом уступать поле немцам.

Крыло Монивида, которое немцы старательно окружали, окружить себя не давало. Лучшие рыцари из всех присланных Витовтом хоругвей спешили в передние ряды. Но когда они полегли, положив возле себя столько же крыжаков, и немцам остались противостоять бояре, одетые в нагрудные панцири, кольчуги и колонтари, ряды попятились скорее. Монивид, не желая сильной траты людей, решил отступить к обозу. Лавина, смешанная из полутора десятка хоругвей, повернула и помчала к таборам, лишь несколько полков, отсеченных немцами, пошли лугами по татарскому следу, и за ними устремился отряд крестоносцев, вырубая задних.

На дороге, прикрывая отступавшие полки от погони, остались полоцкая и первая виленская хоругви. Не по силам было долго сдерживать лаву крыжаков, но каждая минута отпора сберегала порядок отходивших войск, спасала все крыло от жестокого разгрома. Бой был смертельный; все понимали, какая судьба ждет прикрытие: остановить колонны немцев две хоругви не могли, дать им дорогу — не имели права. Жребий обрек каждого держаться против пяти, шести крыжаков.

Полки Семена Ольгердовича и Гаштольда, не втянутые в отступление, разворачивались дугой и бились с суровой решимостью удержаться. И тут крыжаки допустили ошибку: вместо того чтобы всеми освободившимися клиньями рубить дугу, ломать оставшиеся на поле боя полки Витовта, часть хоругвей Валленрода, смолов полочан и виленцев, пошла в погоню за полками,

отходившими к обозу. Легкость рубки в спину захватила рыцарей, и они сминали отступавших, спешенных, задних, слабо

вооруженных. В пылу погони немцы вошли в лес и домчали до табора на берегу Любенского озера. Добыча, которую сулили тысячи подвод, заохотила их на приступ обоза.

Валленрод торжествовал: боевое счастье улыбнулось ему, язычники и схизматики рассеивались, убегали в лес; оставалось взять в клещи тех, кто сопротивлялся, в раздавить. Закрепляя успех, он вернул хоругви, высекавшие уходящую лугами литву, и направил их обжимать левое крыло Витовта. Семен Мстиславский, поняв угрозу окружения, бросил против крыжаков смоленскую, мстиславскую, витебскую хоругви и минскую Юрия Михайловича. На всем поле битвы от Танненберга до Людвиково не было более свирепой сечи, чем завязалась здесь; нигде не рубились с таким ожесточением, нигде не гибло столько бояр и прусских рыцарей. Немцы и русь сталкивались, как вихри, людей сплетало, закруживало и разметывало уже неживыми. Князь Семен смерчем ходил среди крыжаков, и как смерч в житном поле выдергивает из земли и кидает в воздух колосья, так и меч князя вырывал и выбрасывал к небу души. Вторая смоленская хоругвь и половина первой хоругви Василия Борейковича полегли в этой рубке. Но и немецкие клинья выдохлись, разбились на осколки, как разбивается о наковальню треснувший молот.

Самоотвержение полков на крыле Мстиславского спасло от бокового удара правое крыло поляков, которым в этот час тоже приходилось нелегко. Крыжаки крепко теснили краковскую хоругвь, обрушили наземь королевское знамя с белым орлом и, посчитав это знаком близкого крушения врага, запели победный гимн: «Христос воскрес! Возрадуемся, братья, о Боге, что сломал рог язычникам!» Эту песню подхватили все крестоносцы — и те, которые бились против поляков, и те, которые сражались с литвой и русью, и те, что рвались громить обоз. Победа казалась несомненной; казалось, начался разгром, добивание, истребление поляков и литвы, недоверков и язычников. И рыцари, приступавшие к обозу, ринулись за добычей. Но тут перед ними встали на подводах тысячи пеших ратников, с цепами, кистенями, рогатинами, звездышами, с тяжелыми оглоблями. Крестоносцев встретил удар, какого они не ожидали, и бой, какого они никогда не видели. Все это мозжащее оружие обвалилось на первый их ряд и прибило его к земле. Люди, которые встали против них, в плен не брали и не знали жалости. Кто из рыцарей врывался в табор, к тому бросались толпой и валили рогатинами коней, а упавшего рыцаря кололи длинными ножами, как колют свиней, или резали горло, как привыкли резать телят. Рыцарей били, как волков,— с ненавистью и без разбора, лишь бы убить. Шипы звездышей пробивали латы, железные шары кистеней с одного удара убивали лошадь, а со второго ложили возле нее крыжака. Прикрытые кожей, а то и вовсе в одних только колтришах, ратники гибли сотнями, но каждая отбитая подвода, каждый взятый боярский скарб оплачивался жизнями крестоносцев.

Великий князь весь бой находился среди полков. Уже за полдень давно перевалило, уже земля, напитанная кровью, зазыбилась, уже от неустанного труда секирами и мечами обсыхал на боярах десятый пот, уже многие, утомившись держать меч одной рукой, бросали щиты и рубились двуручно — князь не уставал. Только голос надорвался, но хриплые рыки князя действовали на хоругви подобно сигналу трубы, поднимали тотчас — и немедленно следовало дело. Вокруг князя гремела рубка — крики, стоны, хрипы, мольбы, визг, вой — и смерть, смерть металась, метила свои жертвы, направляла копья, стрелы, мечи, звездыши на тех, кого желала взять сегодня к себе.

Время шло, самое страшное было пережито, напор крыжаков слабел, сила их истощалась, хоть и стоило это больших жертв. Витовт направил на помощь потерпевшей хоругви краковской земли три хоругви — сандомирскую, велюньскую и русскую

хоругвь Галицкой земли. Выслал гонцов к Джелаледдину, чтобы вел своих татар; выслал гонцов к Багардину; слал гонцов в обоз к Чупурне и к Монивиду, чтобы вернули полки в битву; присоединил к споловиненным смоленцам три подольских и львовскую хоругви. Послал за Семеном Мстиславским и Гаштольдом. Те прискакали, оба в помятых мечами доспехах. «Валленрода в котел! — сказал Витовт.— Кончайте! Скоро татары врежутся со спины!» Потом с десятком рассыльных дояр взлетел на высотку, залюбовался начавшимся окружением крыжаков. Видя спешное, уверенное движение хоругвей Семена Ольгердовича, радостно засмеялся: если Ульрик и пригонит свои припрятанные полки — не отвратит судьбу. Если ударит в бок полякам, то Гаштольд, Семен, Монивид порубят Валленрода и придут помогать; если ударит в тыл Мстиславскому, поляки высекут Лихтенштейна и подсобят. И татары уже несутся.

Ульрик фон Юнгинген, обозревая поле битвы, видел на Ягайловой и Витовтовой половинах приметный перевес поляков и литвы. Было ясно: король и великий князь ввели в бой все свои полки, всех людей. Вот этого момента он так долго и дожидался. Пусть радуются, наблюдая содрогание орденских рядов. Вот стоят не тронутые боем, не вынимавшие еще меч и жаждущие его обнажить шестнадцать лучших хоругвей. Через несколько минут они упадут на поляков и литву, сокрушат, раздавят, разгонят по лесам и болотам, под коряги, в камыш и топи. «Во славу божью! — крикнул магистр.— Вперед!» — и сам повел хоругви брать predetermined победу. Перестраиваясь в боевой строй, немцы тяжелой рысью припустили на польские ряды.

Но чутье изменило фон Юнгингену, притупилось, запаздывало; еще не вступив своими свежими хоругвями в бой, но уже развернув их, утратив над ними силу команды, он сообразил, что повел их неверно, что надо было зайти в тыл, а здесь его задержат, остановят, вынудят к рубке, и он потратит без большого успеха столь ценное сейчас время. И верно, навстречу его клиньям рванулась хоругвь дворцовых чинов, и лес, казавшийся пустым, вдруг выродил несколько польских хоругвей. И в довершение неприятности великий магистр

заметил вдали серую, стремительно несущуюся вперед колонну и понял — татары, скоро прыгнут на спину. Подумалось с предательской слабостью в груди, что лучше не идти в битву, остаться на холмах, но усилием воли магистр смял, расплющил эту низкую мысль. Нет, вперед, в бой, к братьям, которые гибнут за великое дело Немецкого ордена. И вознеся меч, и крича «С нами бог!», магистр вместе с рыцарями врубился в ряды встретившей его польской преграды. А в тыл его шестнадцати хоругвям ударило полукольцо татар хана Багардина, и стали приходить крупные и мелкие отряды руси и литовцев.

В то же самое время полки Семена Ольгердовича и Гаштольда и татары Желаледдина обтекали поредевшее крыло Валленрода. Великий маршал срочно выслал гонцов за хоругвями, добивавшими обоз, и скоро заморенные боем с пехотой немцы, бросая богатую добычу, поспешили на выручку своим. Яростно вступали они в битву, но не было им суждено что-либо изменить. Из леса, преследуя их, пришли перестроенные Монивидом хоругви виленцев, трочан, жмуди, волынцев и плотно, как палисад, закрыли все выходы, все слабые места окружения. На Грюнвальдских холмах крыжаки загонялись в два огромных «котла», и стены этих котлов толстели, обрастали татарами, польской, русской и литовской пехотой, конными отрядами шляхты и бояр — и стали непробиваемы. Войско Ордена тонуло в этих котлах в собственной крови, и уже никакая сила не могла его спасти.

В какую сторону ни кидал Фридрих фон Валленрод свои хоругви прорубить круг, везде немцев отбивали мечи и сулицы русинов и литвы, арканы и сабли татар. Кольцо затягивалось, как петля удавки. Одна надежда успокаивала великого маршала: был

уверен, что брат Ульрик пришлет запасные хоругви и они с тыла проломают стену мерзких язычников, расшвыряют схизматиков и литву. В нетерпении ждал прихода хоругвей, поглядывал на косогор, где должны были возникнуть ведомые братьями стальные колонны, но ни один всадник не появился на холмах. Время убегало, и с каждым мгновением уменьшалось число немецких рыцарей. Кони поскальзывались в крови, спотыкались о павших; рыцари исходили кровью, один за другим ложились обок мертвецы. Немцев теснили, сжимали, сгоняли в гурт, сбивали в кучу и секли. От всех орденских земель, от всех земель, которыми они жаждали владеть, остался им в этот час пяточок напитанной кровью земли, и на нем всю трудились смерть.

Таяли орденские хоругви и во втором котле. Ульрик фон Юнгинген умом опытного воина понимал, что битва проиграна, но сердце отказывалось верить, принять, согласиться, подчинить себя ужасу очевидного крушения Ордена. Это было невозможно, такого избиения крестоносцев не было никогда, ни пятьдесят, ни сто лет назад. Никто не мог, не имел силы, не осмеливался. Всегда, всегда, веками побеждал Орден. Побеждать — было долгом, призванием, обязанностью, тевтонцев, так предназначал бог, но здесь, на холмах, творилось обратное... Вокруг него стояли отборные рыцари, они отчаянно рубились, может, никогда раньше они так не рубились, как в эти часы,

но вот опадали, никли, гибли, бессильные разорвать удушающее кольцо. Мельтешили мечи, вились арканы, жикали стрелы; уничтожалось тевтонское рыцарство. И возле самого великого магистра оказывались ненавистные поляки или литовцы или русины и в придачу к ним татарва; и он старался крошить их, вкладывая в удар весь мучительный стыд за позор поражения, всю обиду на самого себя, так просто загнанного в западню, в кровавую топь. Неожиданно увидел перед собой смуглое лицо под позолоченным шлемом, раскосые глаза глядели на него с холодным интересом палача, решающего, куда лучше ударить. И этот приговорный взгляд ожег Ульрика фон Юнгингена. Он вскинул навстречу боевому топору хана Багардина свой меч, но дрогнуло сердце, ослушалась рука, и он запоздал — блестящая стальная пластина быстро приблизилась к глазам и оказалась адски холодной; он почувствовал это заледенившее кровь прикосновение; все, что держала память с детства, стало рушиться, рассыпаться, дробиться и исчезать.

Орденские рыцари и наемники, которым посчастливилось вырваться из адского варева котлов, мчались в свои таборы, стоявшие у деревни Грюнвальд. Тут, загородившись повозками, несколько тысяч кнехтов и крестonosцы пытались оборониться, но вал за валом, как потоп, обрушивались на них польская конница, крестьянское ополчение, татары, белорусы, литва и сокрушали, выламывали, топили в крови. Сила нападавших удваивалась желанием заполучить обоз, вознаградить себя; злое отчаяние немцев лишь усиливало напор, ускоряло удары мечей, кистеней, цепов. Сдержать этот натиск могло только чудо, только вмешательство небес, но небеса оставались глухими к молитвам рыцарей, и каток смерти катился по толпам крыжаков, подминал их, вдавливал в землю, не отличая храбрецов от трусов, знатного рыцаря от обычного кнехта. Крестonosцы и прусская пехота рассыпались и побежали. Напрасно рыцари сбрасывали латы, напрасно срывали с коней тяжелую броню, напрасно кнехты искали ямы и норы, лезли в топи, прятались под корчаги — погоня настигала их, стрелы гвоздили кнехтов в кустах, норах, топях, сбивали рыцарей на согретую солнцем землю; об одном просили бога немцы — чтобы быстрее садилось солнце и ночная мгла укрыла их от глаз и оружия врагов. Но долго длились сумерки, и пока угасал вечерний свет, на дорогах, полях, в лесах продолжалось истребление остатков рыцарского войска.

Утомившись пролитием крови, шляхта и бояре уже высекали тевтонцев не подряд: не рубили тех, кто сдавался, и тех, за кого надеялись получить выкуп. Пленных рыцарей

сотнями погнали к польской и белорусско-литовской стоянкам. Боевая суэта утишилась, собирались хоругви, сходились вместе земляки считать, кто

жив, кого нет, шли к местам боя искать родных, друзей, товарищей, надеясь увидеть их ранеными. Солнце быстро садилось, набежавшие тучи закрыли его прежде, чем оно опустилось за край земли. Глухой сумрак остановил поиски до утра. В придачу хлынул холодный сильный дождь, омывая поля и воздух, пропитавшийся за день запахом крови. Голодные, измотанные

бояре и пешие ратники сошлись в таборы, валились на телеги, прямо на землю, засыпали мертвым сном, не чувствуя холода и дождя. Всю ночь возвращались ходившие в преследование полки. На рассвете хоругви построились, сосчитались и прониклись горем — каждого третьего, а то и второго не стало в рядах. Стало известно, что в битве погибли великий магистр, и великий маршал, и великий комтур, и великий одежничий граф Альбрехт Эбергардт, и казначей Томаш фон Мергейм, и десятки комтуров, войтов, почти все орденские братья, и тысячи прусских рыцарей, гостей, наемников.

Ягайла, Витовт и королевский совет решали, что делать дальше: или идти тотчас же брать Мальборк, или, исполняя древний рыцарский обычай, стоять у Грюнвальда три дня в знак того, что войско готово встретить здесь нового врага. Витовт настаивал немедленно послать наименее уставшие хоругви к орденской столице и, пользуясь отсутствием в ней защитников, взять. Предлагал выправить татар Джелаледдина, которые стоверстовый поход совершат скорее других. Но посылке татарской конницы Ягайла воспротивился: направлять на орденскую столицу язычников не подобало. И стоять здесь три дня было лишним. Поэтому захоронили убитых, отправили на родину раненых, передохнули и тронулись к Мальборку. Двигались крайне медленно — сто километров шли больше недели, и эта неспешность подкосила необыкновенную удачу сражения. После такой победы, после гибели почти всего орденского войска, гибели капитула Ордена союзники могли легко подчинить себе всю Пруссию, надо было лишь захватить столицу, но промедление Ягайлы позволило крестоносцам наладить защиту Мариенбурга, втянуть войска Ягайлы и Витовта в длительную и бесплодную осаду, и таким образом Орден выиграл время, собрал некоторые силы, организовал против Польши и Великого княжества коалицию имперских немцев, венгерского и чешского королей. Полтора месяца осады ни к чему не привели, и 8 сентября войска Витовта первыми снялись и пошли на родину. Вскоре сняли осаду и поляки, а в октябре война разгорелась вновь.

Однако Орден хоть и сохранился, но крепко ослаб, и уже не был в состоянии вести агрессивную политику против соседей с прежней настойчивостью и силой. Могущество его подорвалось на Грюнвальдских холмах в битве с объединенными силами поляков, белорусов, литовцев, татар, русских, молдаван, чехов.

Именно веский вклад белорусов и литовцев в победу над крестоносцами вернул Великому княжеству Жмудь, Судава; поляки были вынуждены вернуть ему Подолье, что едва бы случилось, будь полки Витовта опозорены полным разгромом и бегством, как о том записал Длугош.

Именно всеми признанное успешное участие Великого княжества в разгроме Ордена дало Витовту возможность в 1413 году записать в Городло новые условия унии (между Польшей и Великим княжеством), которые обеспечивали полную самостоятельность княжества как державы и самостоятельность его политики.

Грюнвальдская победа позволила разорвать позорную унию 1401 года, так называемую Виленскую, которую Польша навязала Витовту после разгрома войск Великого княжества татарами на реке Ворскле. (По Виленской унии великокняжеская власть отдавалась Витовту пожизненно, а после смерти его все Великое княжество

Литовское отходило к Польше и переставало существовать как государство; относительная независимость обещалась лишь землям, выделенным в личное владение жене Витовта Анне и брату Сигизмунду Кейстутовичу.)

Независимость Витовта от Польши, вновь обретенная им после Грюнвальда, позволила предпринять попытки полного обособления Великого княжества. Это выразилось в действиях по осуществлению унии церквей: Витовту было очень невыгодно иметь в государстве две противостоящие веры — православную и католическую, поскольку последняя была проводником польского влияния, а первая позволяла недовольному боярству оглядываться на русские княжества. В ноябре 1415 года Витовт собрал в Новогрудке Синод православных священников, который отстранил от митрополитства противника унии церквей Фотия и поставил митрополитом на землях Великого княжества Григория Цамблака. Цамблак вместе с группой священников отправился для оформления унии на Констанцкий собор 1418 года.

Значение Великого княжества Литовского, возросшее после Грюнвальдской победы, выразилось и в том, что во время гуситских войн чехи предлагали Витовту чешскую корону, наместником же Витовта в Чехии выступал Сигизмунд-Корибут, возглавлявший в Грюнвальдской битве одну из хоругвей белорусско-литовского войска.

Грюнвальдская победа катализировала рост самосознания в широких слоях бояр и шляхты Великого княжества; привилегии для католиков, записанные в Городельской унии, подняли к активной борьбе за свои права и белорусское боярство (шляхта), положившее немало жизней для укрощения Ордена. Под конец жизни Витовта, когда он принял решение венчаться королевской короной, начался явный разрыв унии Великого княжества с Польшей. Коронация Витовта поставила бы Великое королевство Литовское в ряд европейских стран. Ягайла был вынужден уступить настояниям императора Сигизмунда и дал согласие на коронацию, но вскоре под давлением коронных панов взял свое согласие обратно, объяснив это опасениями, что по смерти Витовта литовцы и белорусы могут избрать себе государя, не считаясь с интересами Польши, что может стать причиной государственных раздоров. Витовт решил короноваться против желания Ягайлы и коронных панов. К назначенному дню коронации в Троки съехалось множество литовских, белорусских и украинских князей и бояр. Но поляки закрыли границы с Великим княжеством и не пропустили послов, которые везли Витовту освященную в Риме корону и грамоту с правами на королевский титул. Белорусская летопись «Хроника Быховца» так сообщает об этом: «И ляхове, не жичечы (не желая) короны Литве, и корону в них (у послов)

эту отняли и рассекли ее на половины и приложили ко короне бискупа королевского, которая и теперь при замку Краковском у костеле святого Станислава есть». Престарелый Витовт — ему было восемьдесят лет — этой неудачей огорчился и не перенес ее.

По смерти Витовта взять великокняжеский престол на Литве хотел Ягайла, но боярство и князья избрали великим князем его брата — Свидригайлу, который, хоть и был католиком, пользовался популярностью у православного населения Великого княжества. Вокняжившись, Свидригайла немедленно стал разрушать Городельскую унию, особенно те ее положения, которые препятствовали православным занимать государственные должности, входить в раду и пользоваться теми привилегиями, которые даны были католикам. Кроме того, Свидригайла отказался отдать полякам западнopoдольские земли, отошедшие после Грюнвальдской битвы в пожизненное владение Витовту. После смерти последнего поляки изгнали наместников из подоольских замков и заняли их. Свидригайла, будучи человеком крутого нрава, задержал своего брата, короля Владислава-Ягайлу, в Виленском замке, объявив ему, что выпустит на

волю лишь после того, как польские гарнизоны покинут Подолье. Ягайла был вынужден послать на Подолье такой приказ.

Самостоятельная политика Свидригайлы привела к тому, что Польша организовала недовольных им литовских бояр и князей и те предложили поставить великим князем брата Витовта Сигизмунда Кейстутовича. В конце августа 1432 года Сигизмунд напал на Свидригайлу в Ошмянах и едва не пленил; Свидригайла бежал в Полоцк, а победитель сразу же был коронован. Так в Великом княжестве стало два великих князя; у католиков — Сигизмунд Кейстутович, у православных — Свидригайла. Стремясь добыть себе побольше сторонников, Сигизмунд Кейстутович издал привилеи, уравнивающие в правах православное боярство Черной Руси с католическим. Но Белую Русь — витебскую, полоцкую, смоленскую, могилевскую земли — и Киевскую Русь, стоявших за Свидригайлу, привилеи не касались.

Началась гражданская война — запылала Крево, Троки, Лида, Заславль, Минск, Борисов, Молодечно. Ни один из соперников не желал уступить власть; спор их могла решить только смертельная битва, к ней все и вело.

По смерти Ягайлы в 1434 году, когда в Польше было бескоролье, Свидригайла задумал довольно реальный ход для возвращения себе короны великого князя. Замысел состоял в том, чтобы осуществить намеченную Витовтом унию церквей. Как исполнитель этого дела он мог рассчитывать на поддержку римского папы, а как противник Городельской унии — на помощь со стороны императора Сигизмунда и Тевтонского ордена. Но для возвещения церковной унии необходимо было согласие митрополита Литовской Руси Герасима, бывшего смоленского владыки. Свидригайла начал договариваться с ним и одновременно разослал на западные дворы письма о готовящемся объединении церквей. Сигизмунд Люксембургский сразу же пообещал.

короновать его королевской короной. Орден направил заступническое письмо в Рим. Из Рима незамедлительно пришли письма Сигизмунду Кейстutowичу, чтобы выпустил из темницы жену Свидригайлы — тверскую княжну Софью, и Каменецкому епископу, чтобы помирил противоборствующих великих князей. Но польские ратные паны, разумеется, не могли согласиться на коронацию Свидригайлы, ибо это означало отделение Великого княжества Литовского от Польши, а Сигизмунд Кейстutowич не желал впускать соперника в Вильно. В белорусских городах, где Свидригайла считался защитником православия, принять корону из рук императора-католика, да к тому же немца, и возвестить унию никак было нельзя. Чувствуя, что старания о союзе с католической церковью лишат его доверия среди православного духовенства, Герасим, верно, отказался помогать Свидригайле. Замысел князя разрушился, и он в мстительном гневе отправил непослушного митрополита на костер.

Эта варварская акция оказалась для Свидригайлы роковой. Сожжение Герасима случилось накануне решительной битвы, которая произошла первого сентября 1435 года на реке Святой (приток Вилии). Сигизмунду Кейстutowичу поляки прислали в помощь восемь тысяч воинов. Войско Свидригайлы состояло из пяти православных хоругвей — полоцкой, витебской, смоленской, Мстиславской, киевской, чешских отрядов князя Сигизмунда-Корибута. нескольких ливонских хоругвей и хоругви шведов. Мученическая смерть Герасима породила в православных полках недоверие к Свидригайле, и это сказалось на их боевом настроении. Битву выиграл Сигизмунд Кейстutowич и стал полновластным великим князем. Свидригайла бежал на Волынь, где и прожил до глубокой старости.

Сигизмунд Кейстutowич в своей внешней и внутренней политике подчинялся польскому влиянию, а против недовольных этим феодалов развязал жестокий террор.

Мнение последних о Сигизмунде в «Хронике Быховца» записано так: «...он же окаянник князь великий Жигимонт не насытился злости своей и мыслил в серцу своем по дьявола научению, кабо бы весь род шляхетский погубити и кровь их розлити, а поднести род хлопский, псю кровь». Не стоит заблуждаться, думая, что Сигизмунд Кейстutowич и впрямь выражал интересы «хлопского» рода.

Князья и паны решили свергнуть своего притеснителя с престола. Единственным способом для этого было убийство. Исполнить заговор взялся князь Александр Чарторыйский. В Троки, где замкнуто, в предельной осторожности жил Сигизмунд, был направлен сенный обоз в триста подвод; на каждой было спрятано пять воинов. Князь Александр и помогавший ему киевский шляхтич Скобейка нашли Сигизмунда в замковой часовне. Князь слушал мшу (обедню), дверь была закрыта. На стук Сигизмунд мог не отворить. В этот миг Чарторыйский увидел, что по двору бродит любимый Сигизмундов медведь, и зацарапал о дверь ногтями. Сигизмунд обманулся и приказал открыть дверь. Чарторыйский и Скобейка вошли в молельню, и Скобейка,

схватив стоявшую у камина кочергу, нанес Сигизмунду смертельный удар. По другой версии, Чарторыйский пришел к часовне один. Сигизмунду поверилось, что скребется любимец, он пошел открывать, и, когда двери отворились, князь Александр вонзил ему в грудь нож.

Это случилось в 1440 году и создало очень сложную ситуацию: желания литовского, белорусского и украинского боярства весьма различались — одна часть желала брать великим князем племянника Витовта Михаила Сигизмундовича, другая стояла за приглашение в великие князья сына Ягайлы Владислава, третья желала, чтобы на великокняжеский престол вновь сел Свидригайла. Кончилось это тем, что великим князем был выбран тринадцатилетний младший сын Ягайлы от брака с белорусской княжной Софьей Гольшанской — Казимир.

Трудно гадать, как сложились бы в дальнейшем судьбы Великого княжества и Польши, руководимых братьями, но в 1444 году польский король Владислав — старший брат Казимира — погиб под Варной в бою с турками, и Казимир занял польский престол. Так Великое княжество и Польша вновь соединились под властью одного монарха. Казимиру выпало довершить окончательное разрушение Ордена, так удачно начатое 15 июля 1410 года. В 1454 году началась новая война с Орденом, которую крестоносцы окончательно проиграли и по Торуньскому миру признали себя вассалами польского короля и великого князя Литовского; их натиск на славян застопорился на века.

Пятьсот лет не переступали тевтонцы наши западные границы. А войны, начатые в 1914 и 1941 годах, всем известны своим финалом, который оказался в одном ряду с Грюнвальдом. Много своих жизней положили ради этого белорусские люди из всех наших городов, местечек и деревень, чем и заслужили себе вечную память.